

автора, не противоречат четкой логике научной мысли (иллюстрируют, сравнивают, сопоставляют) и приводят к когнитивному пониманию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. [Электронный ресурс]: часть I; подгот. по 1-му печ. изд, М. 1860г./Главы из книги. – Электрон. Текстовые дан. – СПб.: ИФИ 2006 www.pdfactory.com
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). – М.: Просвещение. 1990. – 300с.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста: Учебное пособие/КГУ. – Калинин, 1986. – 87с.
4. Большой фразеологический словарь для детей/ Сост. Т.В. Розе. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 224с.
5. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 334с.
6. Крюкова Н.Ф. Средства метафоризации и понимания текста. - Тверь: Изд-во ТГУ, 1999
7. Энциклопедический словарь эного техника/ Сост. Б.В. Зубков, С.В. Чумаков. – 2-е изд, испр. И доп. – М.: Педагогика, 1987. – 464с.

Н.Ф. Крюкова (Тверь)

ДИАЛЕКТИКА СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В герменевтике Тверской школы собственно филологический материал трактуется на основе строгого разделения парных противоположностей – значения и смысла, содержания и смысла, знания предикаций и понимания смыслов, причём именно смыслы и смысловые миры являются предметами главного интереса. Тексты культуры и приравняемые к ним духовные конструкты трактуются как социально значимые носители средств пробуждения рефлексии как связки между наличным опытом и осваиваемым гносеологическим образом, выступающей при своей фиксации (т. е. объективирующей) в виде смысла, смысловых конструкций, метасмыслов, экзистенциальных метасмыслов, художественных и иных идей.

Значение понимается как приписанность референта знаку; совокупность значений выстраивается в предикацию. Набор предикаций в рамках пропозициональных структур составляет содержание. Содержательность, освоение которой (как превращение родового идеального в своё видовое идеальное) является главной целью понимания

текстов культуры, представляет собой единство содержаний и смыслов. Смысл рассматривается как сложные конфигурации связей и отношений в ситуации деятельности и коммуникации, создаваемые или восстанавливаемые человеком при понимании текста. Смыслы могут быть явными, номинированными, т.е. выступающими в качестве означений, или коннотаций в пределах очень небольшого микротекста; в остальных случаях смыслы – неявные, часто достигающие высокой степени эзотеричности; смыслы категоризируются в метасмыслы; совокупность метасмыслов определяет художественную идею.

Существенная задача «расклеивания» таких смешиваемых конструктов, как смысл / значение, смысл / содержание, впервые поставленная Г. Фреге, постоянно раскрывает всё новые и новые потребности в проблематизации и разработке, в частности, вопроса о преднамеренном переходе от одного конструкта деятельности к другому, на что нацелен отдельный класс техник понимания, выделенный Г.И. Богиным.

Однако в интерпретационном пространстве герменевтической практики как саморефлексии скорее следует говорить о закономерности *встречи* смысла и значения. Смыслы тут выступают единицами анализа текста, а значения – элементами этих единиц. Текст предшествует языку [3: 380], поэтому в процессе интерпретации реципиент конструирует язык для анализа и понимания текста как коммуникативной деятельности. При этом текст предстаёт субъектом диалогового взаимодействия (по М.М. Бахтину), и единицами его языка являются не только слова и предложения, но и, например, модальность, элементами значения которой выступают смыслы. (О том, что понимание коммуникационных процессов связано с «освоением» получателем текста его исходной мотивационно-целевой структуры см. [1]).

Так, согласно Г.И. Богиному: «Модальность – самое начальное средство при обрастании содержания ситуацией, столь обязательной при смыслообразовании» [2: 151]. Статус языка как модальности деятельности определяет возможность непосредственного усмотрения смысла текста как непосредственной рефлексии формы текста в содержание [4: 90]. Если же рассматривать модальность в её связанности с конкретными рефлексивными актами [5], то утверждение о наличии обязательной установки на выявление противопоставленности содержания и смысла представляется не таким уж категоричным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамьянц Т.З. Коммуникативные механизмы понимания: знак, значение, смысл. Интенция как смысловая доминанта коммуникативного акта (От знака

- и значения – к смыслу) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – № 2 (54), апрель – июнь. – Москва – Воронеж, 2008. – С. 71–80.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – Тверь, 2001. – http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm
 3. Никитина Е.С. Психосемиотика. Методологический подход и методы анализа // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15–17 июня 2009 г./ Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Издательство «Эйдос», 2009. – С. 380–381.
 4. Пихновский П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики. Дисс...канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 138 с.
 5. Пучкова Е.В. Языковая модальность в герменевтической научной парадигме: Монография. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. – 88 с.

В.Ю. Лебедев (Тверь)

ИСТОРИЯ СЕМИОТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА КАК ПРОБЛЕМА

Посвящается Г.В. Гриненко

Сама постановка вопроса об истории семиотики ритуала предполагает его семиотическую природу, по меньшей мере, он таковым является преимущественно. И здесь мы сталкиваемся с целым комплексом недостаточно проработанных или вовсе нерешенных проблем, что и оправдывает, помимо прочего, саму формулировку названия данной статьи. История чего-либо, построенная как система, а не как ряд пестрых очерков («принцип кунсткамеры») предполагает целостность предмета истории и ее выявление, поскольку в нашем случае история сопряжена с рефлексией. А для этого необходимо наличие удовлетворительной общей теории ритуала, а не только пролегоменов к ней. Наиболее проблематично обстоят дела с такой частью теории как терминологический аппарат и язык описания. Одним лишь отделением религиозного ритуала от светского (при наличии у ряда авторов термина «социальный ритуал», которым может быть обозначен и ритуал религиозный), которое подразумевается без специальных оговорок, вопрос, конечно, не решается. Мы сталкиваемся с разнообразием форм религий, связанных с этим представлений, типов семиозиса и интерпретационных практик. Исходное положение о том, что специфика религиозного ритуала состоит в установке на установление связи двух миров, земного и сверхъестественного, является лишь «стартовой площадкой» для решения дальнейших вопросов. Разнообразие религий, религиозных суррогатов, переходных форм, когда сразу же